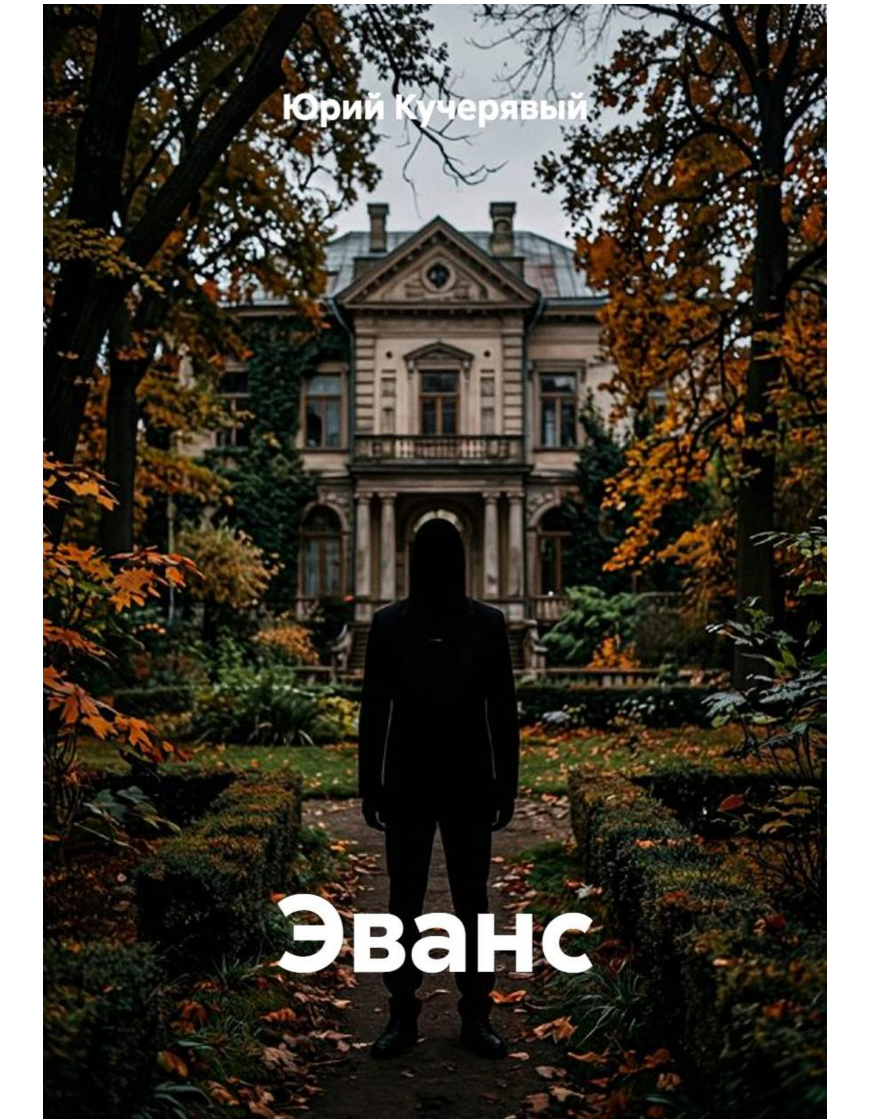

A person wearing a black hooded suit stands on a path in a garden. In the background is a large, ornate house with a triangular pediment and multiple windows. The scene is surrounded by trees with autumn foliage in shades of yellow and orange. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Юрий Кучерявый

Эванс

Юрий Кучерявый Эванс

<https://litres.ru/74689282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Извечный вопрос: что делает человека человеком? Тело, разум или и то, и другое. Если заменить часть тела протезом, никто не усомниться в человеческой природе. А если эта часть - мозг? Управляет ли человек собой по-настоящему или подобно механизму повинуется электрохимическим сигналам? Рассказ написан в 2018 году, задолго до ChatGPT и массового распространения доступного ИИ.

Юрий Кучерявый Эванс

Тяжелый камень оттягивал шею, веревка врезалась в кожу даже через подложенный шарф. В предрассветной мгле, почти теряясь из виду, объемистый валун болтался у ног, подвешенный на новеньком альпинистском корде. Пьер лишь угадывал невидимую в темноте воду где-то далеко внизу под мостом. Ограждение упиралось в поясницу, он все сильнее вжимался спиной в оставшуюся позади ограду – последний надежный рубеж на пути в никуда. Один шаг отделял Пьера от бездны. Неизвестность впереди сковывала члены неодолимым животным страхом. Пьер знал, что сделает этот шаг – за свою недолгую жизнь он всегда выполнял задуманное, раз приняв решение. Порывистый ветер то и дело раскачивал камень, норовя поколебать равновесие.

Ветер гнал клочки промозглого тумана. Пьер слышал стук своего сердца, понимая, что оно отсчитывает последние мгновения его жизни. Жизни, которую, как он решил, больше не может выносить, с которой готов добровольно расстаться через считанные секунды. Холодная вода, муки утопления не страшили Пьера – он давно убедился, что физические страдания перенести значительно легче душевных. Его страшила лишь вероятность, что тело станет цепляться за жизнь сильнее разума и не даст окончательно захлебнуться,

ведь Пьер был тренированным пловцом. Он все продумал, тяжелый камень должен надежно удержать тело на дне, как бы оно не сопротивлялось. Пара минут, затем спасительная тьма.

Он не верил в загробную жизнь, впрочем, и не отрицал ее существование. Сейчас ему было все равно, отправляться в ад или рай, или сгинуть без следа. Все варианты казались лучше беспросветного мрака, в который он погрузился после того, как ушла Ева. Ушла, бросила его, растоптала его безграничную любовь, которой он каждую минуту готов был окружить ее. Не просто бросила, предала. Как предал и друг, которого он считал близким. Филипп, друг детства, которому Пьер готов был доверить самое дорогое. И в итоге доверил. Ева и Филипп... Представить такое Пьер не мог и в кошмаре, настолько это было невозможно в его мире. Мир этот рухнул в одночасье, уступив место кошмару. С тех пор Пьер искал смерти, вначале неосознанно, но вскоре уже вполне с практической стороны.

Иногда он размышлял, что было бы, погибни Ева, скажем, в автокатастрофе или от неизлечимой болезни, и почему-то был уверен, что в таком случае смог бы жить. Случись такое, удар был бы тяжелый, несправедливость судьбы показалась бы Пьеру чудовищной, но принять несправедливость от судьбы легче, чем от близкого человека. Осознавать, что Ева жива и где-то рядом, что она ходит по этой же Земле, но не с ним – вот что было невыносимо.

Небо слегка посветлело. Тянуть более нельзя. На мосту никого, но вскоре может появиться случайный прохожий. Пьер много дней являлся ночью на мост и наблюдал. Подготовка самоубийства в последние месяцы стала единственным и последним смыслом в его жизни. Именно в этот час на мосту он никогда не видел прохожих или машин. Всё, хватит медлить. В следующее мгновение ему удалось разжать задеревеневшие руки, отпустив решетку. Камень потянул книзу сильнее, Пьер, зажмурившись, подался за ним. В следующее мгновение тяжесть на шее исчезла. Открыв глаза, Пьер увидел удаляющийся валун, обрезанная веревка болталась поверх пальто. Оно же тянуло назад: сильная рука тащила за воротник. Пьер потерял равновесие и, перевалившись через ограду, опрокинулся на тротуар.

– Примите искренние извинения за нарушенные планы, – донесся мягкий, но уверенный голос.

Слова произнес высокий месть в шляпе и долгополом пальто. Он протянул руку, предлагая встать. Пьер, ухватившись за руку, медленно поднялся. Едва заметное чувство радости, что удалось избежать чего-то очень страшного, удивляло и одновременно раздражало. Он твердо отгонял его, уверяя себя, что все равно выполнит задуманное, не сегодня, так в другой день. Затем раздражение выплеснулось на посмеявшегося все испортить незнакомца.

– Какого черта вам понадобилось здесь в этот час, будьте вы прокляты, что помешали мне! – Пьер был зол. Злил-

ся больше на себя, но подобную злость всегда легче выплеснуть на других. Действительно, не орать же на себя, а признав виновным другого, можно дать себе волю. И по лицу себя бить не станешь, тогда как наброситься на обидчика одно удовольствие, особенно если тот явно слабее.

– Поверьте, мне правда очень жаль, но я никак не мог поступить иначе, – мягкий глубокий голос успокаивал и гасил агрессию. – Уверен, вы поймете меня и не будете винить, если выслушаете. После этого вернетесь к своим делам, если захотите, у вас же впереди целая вечность.

– Да уж будьте покойны, вернусь, вас не спрошу, – Пьер сделал усилие, придав дерзости своему восклицанию, но чувствовал, что ему все сложнее изображать негодование.

– Чего вам от меня надо? – спросил он значительно спокойнее.

– Просто поговорить. Это не займет много времени, впрочем, как сами захотите. Пойдемте, у меня неподалеку автомобиль, – незнакомец жестом указал в сторону берега.

– О чем мы будем говорить? – поинтересовался Пьер. Он вдруг ощутил неимоверную усталость. Ноги налились свинцом, словно он до изнеможения бежал в гору.

– О вас, обо мне, о людях, – уверенно прозвучало в ответ, словно незнакомец ожидал именно такого вопроса. – Я не представился, можете звать меня Эванс.

– Эванс? – переспросил Пьер.

– Да, именно так, с ударением на первый слог. По боль-

шому счету, мне все равно, но так привычнее. Скоро вы поймете.

Эванс двинулся вдоль мостовой, Пьер поплелся за ним. Его начал трясти озноб. С поднятым воротником, ссутулившись, брел он за странным незнакомцем, кутаясь в пальто. Тщетно пытался унять дрожь, холод сжимал изнутри, ужас чудом миновавшей смерти леденил нутро.

Черный силуэт машины показался у обочины, едва они сошли с моста. Автомобиль мигнул желтыми фонарями, откликаясь на невидимый брелок. Эванс открыл пассажирскую дверь, дожидаясь, пока Пьер займет место. Послышался нарастающий гул, по встречной полосе промчался грузовик, в свете фар Пьер разглядел, что садится в черный «Вольво».

Эванс сел слева, завел мотор и протянул Пьеру блестящую фляжку.

– Вам это сейчас необходимо.

Стуча зубами, Пьер отвинтил крышечку, богатый букет дорогого коньяка соблазнительно проник в ноздри. Он отхлебнул. Затем еще. Автомобиль зашуршал крышками по гравию и вырулил на мост, набирая скорость. Пьер с опаской пытался высмотреть место своей неудачной попытки суицида, но пролеты ограды слились в темную ленту, а все столбы выглядели близнецами.

Мост остался позади, Пьер вдруг осознал, что больше не дрожит. Крепкий алкоголь уютно согрел гортань, просачива-

ясь все ниже. Он допил остатки, завинтил пробку на фляжке и протянул ее водителю.

– Спасибо.

– На здоровье, – ответил Эванс, фляжка исчезла в его внутреннем кармане.

Пьеру не хотелось разговаривать. Его ночной спаситель, казалось, хорошо это понимал и ехал молча. Пьеру стало неловко от тишины.

– Куда мы едем?

– В мой дом, если не возражаете. Это гораздо удобнее всех иных вариантов.

Возражать Пьеру было не с чего, и куда ехать, было все равно. По тому, как сказал назвавшийся Эвансом: не «ко мне домой», а именно «в мой дом», Пьер почему-то представил большой особняк. Однако не припоминал таковых в небольшом тихом городке, который тщательно подбирал для задуманного. Пьер вдруг вспомнил, что не представился, впрочем, тут же решил, что новый знакомый и так знает о нем достаточно.

– Вы следили за мной?

– Не более чем было необходимо, чтобы отсрочить ваш уход.

Встречные машины стали попадаться чаще. В отсветах фар Пьер только сейчас смог разглядеть своего спутника. Высокий – голова возвышалась наполовину над подголовником, с худощавым лицом. Благородный профиль, узкая по-

лоска усиков над губой. Короткие черные, слегка кудрявые волосы. От него не исходило никакой агрессии, так мог выглядеть музыкант оркестра или школьный учитель, или ученый. Эванс ни разу не взглянул в сторону пассажира.

– Нам долго ехать?

– Еще около часа, вы забрались довольно далеко. Что Впрочем, вполне оправданно, учитывая вашу цель.

Пьер слегка опустил спинку сидения, откинулся, глаза закрылись сами собой. Пару минут он слушал тихий шелест шин и монотонный гул мотора, затем провалился в сон.

Его разбудила тишина. Так бывает, когда человек может продолжать спать, несмотря на шум и грохот, привыкнув к нему, но внезапный обвал тишины выдергивает из глубокого сна не хуже окрика по имени. Автомобиль покоится, фары погашены, Эванс молча сидит рядом, на водительском сидении. В сизых предрассветных сумерках Пьер разглядел монументальное трехэтажное строение. Каменные стены возвышаются как черная гора. Мрачности виду добавляют темные продолговатые окна с клеточками рам. Они придают дому сходство с готическим собором. Ни в одном из окон не угадывается ни намек на освещение.

– Пойдемте в дом, там вы сможете продолжить спать в более подходящих условиях, – нарушил тишину Эванс.

– Я уже не хочу спать, – ответил Пьер. Короткий сон успел восстановить силы, он действительно ощущал себя достаточ-

но бодро.

– Напрасно. Такая бодрость иллюзорна. Сейчас потратите едва восстановленные силы, и будете весь день разбитым.

Голос спутника не указывал, не увещевал, не выражал сколь-нибудь заметных эмоций. То была простая констатация медицинского факта, подпись к рисунку в учебнике анатомии.

Исполинский дом зловеще надвинулся, когда они подошли к массивным, кажущимся чугунными дверям. Пьер заметил повсюду поднимающийся по стенам старый плющ. Двери казались древними, как ворота склепа, но когда хозяин неувлимым движением прижал большой палец к глазку на круглой ручке, массивные металлические створки проворно распахнулись вовнутрь, не издав ни малейшего скрипа.

Свет зажегся автоматически, как только они ступили за порог. Вместе с освещением заиграла тихая музыка. Едва слышная, классическая, Пьер не смог узнать композитора. Эванс проводил его на второй этаж в небольшую комнату, обставленную барочной мебелью. На небольшой диван с резными изогнутыми ножками была водружена не по размеру перина, сверху брошены два пледа и пышная подушка.

– Был выходной, служащих нет, поэтому я постелил вам здесь. Прошу меня извинить, – сказал хозяин, и Пьер не мог поручиться, что уловил в голосе Эванса виноватые нотки, а не додумал сам по смыслу. – Не спешите отказываться, вам

действительно стоит поспать хотя бы немного. Как проснетесь, будем завтракать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.